

РОМАНЫ

**О ВЗЛЕТАХ
И ПАДЕНИЯХ**

ДИАНА МАШКОВА

АЭРО-ТРАНС
МОЯ АВИАКОМПАНИЯ

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М38

Оформление серии *С. Власова*

Машкова, Диана.

М38 Аэро-транс. Моя авиакомпания / Диана Машкова. —
Москва : Издательство «Э», 2016. — 480 с. — (Диана Маш-
кова. Романы о взлетах и падениях).

ISBN 978-5-699-86023-4

Пожалуй, нет в современной российской прозе книги, столь достоверно и увлекательно воссоздающей праздники и будни крупной отечественной авиакомпании, как диалогия Дианы Машковой «Аэро-транс». Писатель на протяжении девяти лет работала в «Трансаэро», поэтому почти все ее персонажи имеют реальных прототипов. Так же, как в «Аэропорте» А. Хейли, лётному персоналу приходится работать в условиях запредельных нагрузок. Благодаря героическим действиям экипажа происшествия в небе не становятся причиной трагедии. Разрулить же драматические обстоятельства на земле оказывается намного труднее.

Читайте, и, может быть, вы поймете, почему у «Трансаэро» был такой старт и что стало причиной падения.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-86023-4

© Машкова Д., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ АВТОРА

Старшая дочка, узнав из выпуска новостей о том, что одну из крупнейших в России авиакомпаний ждет банкротство, расстроено спросила: «Значит, если я расскажу когда-нибудь своим детям о том, что их бабушка почти 9 лет работала в «Трансаэро», они уже не поймут, о чем речь? Даже названия не останется?» Сейчас дочке 16. Пройдет время, пока ее дети появятся на свет, пока подрастут. Вряд ли через поколение кто-то вспомнит о том, кто именно был первым частным авиаперевозчиком в России. А ведь за названием, за простым, казалось бы, сочетанием букв, стоят миллионы жизней, целая эпоха. Десятки тысяч сотрудников прошли свой путь вместе с компанией. У кого-то он равен 25 годам, времени жизни самого перевозчика. У кого-то этот путь гораздо скромнее, но не менее значим, поскольку авиация обладает мощной притягательной силой — она захватывает все сферы жизни человека, заполняет собой мысли, мечты, даже семью. Я прекрасно помню период, когда дочка была совсем маленькой и не засыпала без сказок о Самолетике. Ей нравились трогательные истории о полетах, пассажирах, аэропортах. Потом я записала их, сказки печатались в детском бортовом журнале. А некоторое время спустя на свет появились два романа для взрослых, связанных темой авиакомпании.

События, описанные в книгах, происходят в 2008–2009 годах. Очередной мировой финансовый кризис и банкротство многих российских авиаперевозчиков, среди которых оказался «КрасЭйр» (часть его сотрудников, кстати, были приняты на работу в «Трансаэро»). Внимательный читатель найдет в романах ссылки на эти и многие другие события тех лет — возможно, они послужат подсказкой к пониманию сегодняшней ситуации. Кстати, черты характера героев, сотрудников авиакомпании, тоже вполне узнаваемы. «Дашь своим детям почитать эти книги, — ответила я в итоге дочке, — и они поймут, о чем речь».

Из-за чего наступил закат «Трансаэро»? Почему вторая по величине российская авиакомпания, пройдя через множество кризисов предыдущих лет, в 2015 году прекратила свое существование? Кто виноват в смерти гиганта? Непростые вопросы. Однозначных ответов на них дать невозможно. Тем более что уже пять лет я наблюдаю ситуацию не изнутри, а со стороны: в 2010 году ушла с должности директора по работе с VIP-клиентами, чтобы наконец посвятить жизнь собственной мечте и писать книги. Могу только догадываться о причинах. Это и падение курса рубля (большинство расходов международного перевозчика в валюте, а доходы — в рублях), и резкое сокращение туристического рынка (до 50%), и подчас далекая от справедливости конкуренция, и особенности менеджмента, и множество дополнительных факторов, внешних и внутренних.

Уже очевидно, к сожалению, что занавес опущен. Находятся те, кто готов сплясать на костях. Хотелось бы видеть и других — тех, кто сознает, что нельзя сгноить без налета целый парк воздушных судов и оставить без работы более 11 000 сотрудников.

Недавно мы встречались с бывшими коллегами. В глазах большинства до сих пор растерянность. О ситуации в компании они узнавали последними, из сводок новостей. Для многих банкротство «Трансаэро» стало настоящей трагедией. Нельзя сказать, что люди не видели предпосылок, они просто не хотели верить в такой финал. Отгоняли мысли о том, что ситуация стала безвыходной, что в целом гражданская авиация с ее низкой рентабельностью и огромным количеством рисков — это хождение по лезвию ножа. И все же, у всякой медали есть две стороны. Были они и у «Трансаэро».

Я хочу напомнить, что за всю историю работы авиакомпании ни один ее пассажир не пострадал, и этот факт не имеет ничего общего со случайностью. В нем — результат ежеминутной напряженной работы каждого руководителя и специалиста. Всем сотрудникам авиакомпании, которым и посвящается эта диалогия, я желаю уверенности и успеха. Желаю найти свое место в жизни. Искренне верю, что каждый профессионал будет оценен по достоинству и сбережет в памяти только лучшее.

ВКУС НЕБА

*Сотрудникам авиакомпаний
и моим коллегам
посвящается*

ЧАСТЬ I

МОСКВА

ГЛАВА 1

Самолет набирал скорость, разгоняясь по взлетно-посадочной полосе. Желтые огни, оранжевые, красные стремительно сменяли друг друга, превращаясь в пеструю ленту. Сергей безошибочно определил: «Пора», — и взял на себя штурвал. Радость от взлета завладела всем его существом. «Как в первый раз», — улыбнулся он.

Машина без усилий вспарывала серые облака и высвобождала долгожданное небо. Всего через пару минут мрачные улицы, темные от дождя дома, автомобили цвета грязи растают далеко внизу. Границы мира расширятся до Вселенной, усыпанной яркими звездами. Сергей физически ощутил невидимый порог; самолет вырвался из мутной дымки Земли и вошел в кристальную чистоту Неба.

«Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, — это звездное небо надо мной и моральный закон во мне». Прав старина Кант. Звездное небо — страсть на всю жизнь. А пилот подобен художнику, который, проносясь сквозь пространство и время, рисует бесмертные полотна самолетом-кистью на поверхности судьбы.

Сергей почувствовал, как радость внутри его растет вслед за показаниями датчика высоты. Две тысячи метров. Три тысячи. Полет захватил его — он в нем растворялся, расщеплялся на атомы, превращаясь в бесплотный счастливый дух. Он знал, что такая всепоглощающая страсть доступна лишь избранным, и гордился своим состоянием: без сомнений, вне времени.

Пять тысяч метров. Шесть. Голос диспетчера ворвался в сознание, минуя ушную раковину, — словно прозвучал внутри головы:

— Выполните поворот вправо, займите эшелон семь тысяч двести.

— Выполняю. Эшелон семь тысяч двести.

Не размышляя, он положил руку на штурвал, тут же следуя указанию диспетчера, и увидел перед собой солнце, восходящее над облаками...

Кирилл Николаев вздрогнул и проснулся. Он лежал, боясь пошевелиться и потерять все еще яркую картину, стоявшую перед внутренним взором. С напряжением вглядывался в темный потолок собственного кабинета и различал на нем контуры удаляющегося самолета. Огни блекли и становились слабее, пока совсем не расплылись. Только в этот момент Кирилл окончательно осознал, что видел не собственный уже снятый фильм, а всего лишь сон. Разочарование обернулось тупой болью в голове. Все же выглядело так рельефно, так осязаемо! Он смотрел на главного героя со стороны и в то же время был им. Все чувства Сергея принадлежали Кириллу. Все мысли пилота были его мыслями. Разница между этими двумя состояла лишь в том, что один был плодом воображения другого; что герой был одержим страстью к небу, а его создатель — к искусству.

Николаев сбросил с себя горячий плед и сел. Какого черта он так вот уснул? Работал, перечитывал собственный сценарий, в сотый раз находя мелкие огрехи, а потом начал клевать носом. Он даже не помнил, как перебрался на маленький диван рядом с рабочим столом. Ему снился собственный фильм на широком экране, снятый до малейших нюансов так, как он себе представлял. Обидно, что сон оборвался так резко: он многое отдал бы за то, чтобы досмотреть все до конца. Кирилл снова закрыл глаза и откинулся на спинку дивана. Начал выстраивать, деталь за деталью, последнюю сцену, чтобы видение вернулось. Вот сейчас самолет Сергея выполнит поворот, встанет, освещенный солнцем, на новый курс, и только потом он узнает, что едва избежал столкновения с другим самолетом.

Голова от попытки сосредоточиться затрещала. Кирилл отчетливо услышал жалобный звук: словно одинокое старое дерево

стонет на ветру. Он разомкнул веки и нервно огляделся, испугавшись, что треск в его голове слышал кто-то еще. Как назло, в проеме двери действительно маячил тонкий силуэт Кристины.

— Можно к тебе? — услышал он.

Только ее голос окончательно вернул ему здравый смысл, и Кирилл вздохнул с облегчением. Идиот! Скрип открывающейся двери принял за скрежет мозга. Чертовы нервы!

— Зачем? — сурово спросил он Кристину, робко переминающуюся с ноги на ногу у порога.

Его девушка прекрасно знала, что дверь кабинета — табу. Даже дотрагиваться до нее было запрещено, не то что открывать и проникать внутрь. Целых два года Кристина безупречно придерживалась этого простого правила. Но Кирилл, собственно, никогда и не сомневался в том, что, как любая женщина, она рано или поздно предпримет попытку войти. Захочет завладеть всей его жизнью. Женская натура не может оставить на территории мужчины личного пространства: ей нужно всюду влезть, все взять под контроль.

Кристина, не в пример другим, и так слишком долго играла в терпение и покладистость; исполняла его желания, приручала, подбираясь, как ей казалось, все ближе и ближе. А сегодня, видимо, решила идти ва-банк.

— Кирушка, ты не работаешь? — тихо спросила она, не ответив на его вопрос.

— Сама видишь. Нет.

Он поднялся с дивана и, решив не открывать плотных портьер, включил настольную лампу. Круг яркого света неприятно резанул глаза, выхватив из полумрака рабочий стол. Ноутбук, стопка книг, рукопись сценария. Белые листы, испещренные мелкими черными буквами — результат его многолетнего труда, — отчего-то вызвали сейчас у Николаева раздражение. Он отвернулся.

— Может быть, пообедаем? Уже пять часов. — Кристина, ободренная тем, что ее не выгнали, заулыбалась.

— Как хочешь, — он безразлично пожал плечами.

Женщины неисправимы. Они просто одержимы идеей прихватить к себе мужчину всеми способами и органами, включая желудок.

— Отлично, — она попятилась, — тогда я накрываю.

Кирилл кивнул и сделал вид, что ищет на стеллаже какую-то книгу.

— Я скоро приду.

Как только за Кристиной закрылась дверь, он сел за рабочий стол, отодвинул подальше рукопись и закрыл руками лицо. Как он устал! Мало того, что с фильмом никакого движения — стадия поисков продюсера затянулась на многие месяцы, — так еще и личная жизнь, как сказал бы его герой, вошла в глиссаду. То есть миновала рубеж, после которого самолет уже не может набрать высоту и уйти на второй круг. Только посадка.

Сколько раз он все это уже проходил! Женщины влюблялись в Николаева поголовно и безрассудно. Кирилл мог получить любую из них, даже не прилагая усилий. Одного взгляда на его мужественную фигуру, красивое лицо, пронзительные синие глаза и темные блестящие волосы было достаточно для качественной потери женского разума. Девушки из кожи вон лезли, чтобы обратить на себя внимание Николаева. Время от времени какая-нибудь из них захватывала сначала его постель, потом квартиру. Кирилл не возражал: в конце концов, женщина для того и существует, чтобы давать наслаждение мужчине, а заодно заниматься в доме хозяйством. Но если бы они умели ограничиться этим! Нет. Каждая старалась влезть к нему в душу, каждая мечтала заарканить и сделать так, чтобы он целиком принадлежал только ей. Им всем было наплевать на его стремления, они не понимали его одержимости искусством.

И каждый раз, как это ни глупо, военные действия начинались с запретного вторжения в святая святых — его рабочий кабинет. Словно порог был той самой чертой, знаменующей вход в глиссаду. Что будет дальше, Кирилл знал как дважды два.

Кристина намеками, истериками, слезами — чем придется — начнет подталкивать его к женитьбе. Будет использовать весь этот заезженный женский арсенал. А он станет читать ее немудреные мысли, словно раскрытую книгу, и желать только одного: чтобы она от него отстала. Но неужели нужно еще раз через это пройти? Разрушить выгодный альянс ради взаимной ненависти? Кирилл тяжело вздохнул, встал из-за рабочего сто-

ла и направился в столовую. Только сейчас, переключившись с размышлений о будущем фильме на рассуждения о женщинах, он почувствовал, как сильно проголодался. Что ж, низменные мысли пробуждают низменные желания.

Столовая, как и вся шикарная квартира Николаева, сияла первозданной чистотой. На столе — блестящие приборы, фарфоровые тарелки, причудливо сложенные льняные салфетки. Чего у Кристины было не отнять, так это способности создавать в доме изысканный уют.

Да и сама она, откровенно говоря, была изысканно красива. Длинные светлые волосы, правильные черты лица, прекрасная фигура. В природе не так часто встречается подобное совершенство. Как мужчина, лучшего Кирилл не мог бы себе желать. Как сценарист и актер, он стремился избавиться от всего, что мешало его искусству. Жизнь коротка и предназначена для великих свершений. Банальной роли, которую пыталась навязать ему Кристина, в жизненном сценарии Кирилла Николаева попросту не было.

— Кирушка, ты чем-то расстроен? — Кристина, дождавшись, когда он сядет за стол, заглянула ему в глаза.

— Нет.

Она сморгнула слезу. Взяла со стола тарелку, стоявшую перед Кириллом, при этом едва ощутимо коснувшись грудью его плеча. Таким же манером вернула тарелку обратно, уже с громадным куском жареного мяса.

— Спасибо. — Кирилл, сделав вид, что не заметил ее уловки, взялся за нож с вилкой. Бдительное предчувствие говорило о том, что удовольствия от этой трапезы он не получит.

— Кир, — Кристина, положив на свою тарелку только салат, села напротив. Ее глаза с длинными ресницами, подкрашенными синей тушью, напоминали раскрытые раковины моллюска, — знаешь, мне очень плохо.

— Ты заболела? — Он изобразил на лице беспокойство.

— Нет, — она опустила глаза.

Уже догадываясь, что именно последует за этим вступлением, Кирилл молча жевал, не ощущая вкуса. Помочь Кристине выговориться он не хотел. Да и вообще, лучшее, что она могла сейчас сделать, — это встать и уйти, не утруждая себя откоро-

вениями. Сколько раз в жизни он уже слышал: «я для тебя пустое место», «ты меня не любишь», «ты занят только своей работой» и прочие вариации на ту же тему. Ему нечего было на все это возразить.

— Ты, — Кристина быстро заморгала, глядя на него, — считаешь меня пустым местом!

— М-м-м, — принял к сведению он.

— Ты меня не выносишь, — выдала следующую здравую мысль она.

— А-а-а, — поддержал беседу Кирилл.

— Тебя интересует только твой дурацкий сценарий! И маячащая впереди всемирная слава!

— Что, — Кирилл усмехнулся, — очень заметно?

— Да!!! — Кристина вскочила из-за стола и начала нервно цокать каблучками по кафельному полу: от двери до окна и обратно. — Тебя в последнее время вообще как будто нет рядом! Думаешь только о своих пилотах, самолетах и стюардессах!

— Подожди, — брови Кирилла изобразили красивую дугу, — я же тебе не говорил, о чем пишу.

— А я умею читать! — Она тряхнула длинными волосами как гривой и заносчиво фыркнула. Безостановочное цоканье каблучков дополнило сходство.

— Ого! — Кирилл залюбовался гневом Кристины, а потом все же напомнил: — Но я не давал тебе сценарий. И запретил входить в мой кабинет.

— Подумаешь! — Она сверкнула глазами, в которых промелькнул детский испуг.

— Стоило подумать, — спокойно возразил он.

— Кир, — Кристина села на место, боевой запал в ней угас, словно его и не было, — я только хочу, чтобы мы по-настоящему были вместе! Чтобы ты говорил со мной, делился своими заботами. Я ведь могу помочь и посоветовать, даже подсказать правильный путь.

— «Если женщина любит вас, она не уgomонится, пока не завладеет вашей душой. Она слаба и потому неистово жаждет полновластия. Душа мужчины уносится в высочайшие сферы мироздания, а она старается втиснуть ее в приходно-расходную книгу».

— Что это за чушь? — Глаза Кристины снова стали моллюсками. Кирилл с неприязнью отвел взгляд.

— Сомерсет Моэм, «Луна и грош», — бесстрастно объяснил он.

— А-а, — в тоне Кристины не было и тени узнавания, — хорошо, что не сам сочинил!

— Мне до Моэма, как и всем моим современникам, далеко, — пробормотал он.

— Вот и правильно! — неожиданно горячо поддержала она. — И не надо тебе писать! Сам же видишь, сценарий не продается!

— Ми-ла-я, — угроза в слове, разделенном на слоги, заставила Кристину вздрогнуть, — сейчас просто молчи. Пожалуйста.

Он, с досадой швырнув нож и вилку в почти нетронутую тарелку, встал из-за стола. Кристина, испугавшись, что он уйдет, бросилась к нему, повисла, обвинив руками, заставила пригнуться.

— Кирушка, — горячо зашептала она ему на ухо, — ну послушай хотя бы меня! Я же тебя люблю. Я все прочитала.

— И?

— И ничего! Полная чепуха, — скороговоркой бормотала Кристина, судорожно прижимая его к себе, — мне не понравилось. Твой драгоценный сценарий не стоил моих мучений. Он не имел права отнимать тебя у меня!

— Что?! — У Кирилла от ярости перехватило дыхание.

— Ну, просто не надо тебе писать. — Она продолжала лопотать, не обращая внимания на то, что он пытается отодрать ее от себя. — Если ты хотел стать летчиком и не смог, это не повод кому-то мстить своим фильмом!

Глаза Кирилла налились кровью, он схватил ее обеими руками за талию и с силой рванул от себя и вверх. Отставил в сторону.

— Уходи, — прошипел он, держа ее на вытянутых руках и не давая возможности прикоснуться к себе.

— Что?!

— Уходи, — безжалостно повторил он, — вещи потом заберешь, когда меня не будет в Москве.